

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕЗАУРУС ИСТОРИКА, ИЛИ НАСКОЛЬКО ДЛИННА «ДЛИННАЯ ТЕНЬ ПРОШЛОГО»

Аннотация: В основе статьи – авторская рефлексия по поводу недавно вышедшей в русском переводе книги А. Ассман «Длинная тень прошлого». Цель статьи – анализ современного тезауруса историка, определяющего образ исторической науки сегодня, через обращение к таким актуальным понятиям, как «историческая память», «историческая политика», «публичная история», «цифровая история», выявление уровня соотношения этих понятий, а также соотнесение данного понятийного ряда с процессами, происходящими в отечественной историографии.

Ключевые слова: современная историография, А. Ассман, тезаурус историка, историческая память, историческая политика, публичная история, цифровая история.

Об авторе: Людмила Рашидовна Хут – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета. 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208, Адыгейский государственный университет, ludmila1302@mail.ru

Некоторое время назад историографы, исследующие процессы, кардинально изменившие облик современной исторической науки, заговорили о «мемориальном повороте» рубежа XX – XXI вв. [21 с. 557]. «Сущность этого поворота состоит в том, что предметом исследования для историков все чаще становится не историческое событие или явление как таковое, а сама память о прошлом, живущая в сознании общества: ее содержание, способности трансляции, социальные функции» [13 с. 59].

«Длинная тень прошлого» – так называется книга известного немецкого историка, культуролога, антрополога, профессора университета в Констанце, члена Берлинско-Бранденбургской академии наук, исследователя исторической памяти Алейды Ассман (род. 1947). Презентация ее русского перевода, вышедшего в издательстве «Новое литературное обо-

зрение», состоялась 17 октября 2014 г. [2]. Позволю себе высказать предположение, что данная книга была «обречена» на внимание и успех в профессионально-исторической среде. А. Ассман известна в России как серьезный исследователь культурной памяти; супруга египтолога Яна Ассмана, книга которого по проблемам культурной памяти [5] была в свое время весьма благожелательно встречена российским читателем; редактор-составитель, вместе с мужем, сборников по истории культуры и культурной антропологии. А еще - интригующее название (правильный маркетинговый ход, как сказали бы экономисты) с подзаголовком «Мемориальная культура и историческая политика» и весьма прозрачная отсылка к проблемам теории истории и истории понятий в посвящении знаменитому немецкому историку Райхарду Козеллеку (1923 – 2006). В моем случае сказанного с лихвой хватило, чтобы немедленно заказать данный текст и начать с ним работать. Я не оказалась обманута в своих ожиданиях. Начиная с введения, озаглавленного «Триумф и травма», до заключения, поименованного автором «Длинной тенью», книга читается на одном дыхании, идет ли речь о теоретических основаниях авторских размышлений о способах конструирования индивидуальной и коллективной памяти в первой части, или же об анализах и примерах в части второй.

Базовым фундаментом книги является трагическая история XX в. и немецкая коллективная память. Читая текст, не устаешь удивляться, насколько поразителен опыт, который приобрела немецкая нация по преодолению «груза прошлого». Не может не заслуживать уважения то, с каким достоинством немцы прошли этот нелегкий путь, пытаясь разобраться с травматическим опытом прошлого.

Отдельно хочу сказать об употребляемых А. Ассман речевых конструктах: «травматический исторический опыт», «грамматика коммеморации», «стратегии отрицания вины», «ошибки запоминания и ошибки припоминания», «молчаливая речь и говорящее молчание», «молчание жертв и молчание преступников», «жертвенные нарративы», «травматический опыт войны», «трав-

матическая судорога памяти», «мемориальный ландшафт», «расширение горизонта», «негативная память», «травматические места», «травматические годовщины», «прикрывающие воспомина-ния», «самооправдательные стратегии национальных мифов», «аурагизация жертвы», «мемориальный менеджмент» и т.д.

Размышления о прочитанном натолкнули на мысли о том, что представляет собой современный тезаурус историка, какие исторические понятия определяют образ исторической науки сегодня, как эти понятия соотносятся друг с другом, и как, в свою очередь, этот понятийный ряд соотносится с процессами, происходящими в отечественном историознании, поскольку в тексте А. Ассман присутствует также и обращение к российским историографическим практикам и вообще практикам конструирования коллективной памяти.

Мне представляется, что к числу актуальных понятий, вокруг которых сегодня ведутся непрекращающиеся дискуссии, с полным правом могут быть отнесены такие понятия, как «историческая память» («historical memory»), «историческая политика» («historical policy»), «публичная история» («public history»), «цифровая история» («digital history»).

По словам известного отечественного специалиста по теоретико-методологическим проблемам исторической науки Л.П. Репиной, под исторической памятью подразумевают одно из измерений индивидуальной и коллективной или социальной памяти – память об историческом прошлом, вернее, символическую репрезентацию исторического прошлого. Историческая память рассматривается не только как один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особое значение для конституирования социальных групп в настоящем [20 с. 41]. Источники формирования исторической памяти весьма разнообразны. Это может быть и устная традиция, и разного рода нарративы (учебники истории, мемуары,

художественная литература, историография), и монументальная традиция, и аудиовизуальные источники (кино, телевидение, радио), и многое другое. Особое место в этом списке занимают коммеморации – праздники, посвященные историческим событиям, юбилеи, дни памяти, а сегодня это еще и сетевой контент.

Изучение исторической памяти отличается «активная, «включенная» позиция историка по отношению к предмету своего исследования, нехарактерная для классической историографии», а само изучение предмета исследования становится «актом и личностной, и социально значимой рефлексии» [13 с. 86]. Не случайно, в разное время исследованиями исторической памяти занимались, помимо упомянутых супругов Ассман и Л.П. Репиной, такие маститые авторы, как М. Хальбвакс, П. Нора, Ж. Ле Гофф, Б. Гене, П. Хаттон, И. М. Савельева, А. В. Полетаев, Н. Е. Копосов и др. [22 с. 106-126].

Анализируя процесс трансформации исторической памяти Германии, А. Ассман выделяет четыре стадии (периода): всеобщее забвение; «помнить, чтобы никогда не забыть»; «помнить, чтобы преодолеть»; «диалогическая память». Что касается России, то для ее отношения к прошлому сейчас характерно «забвение, забывание собственной истории» [3], свойственное первому периоду. По мнению А. Ассман, Россия является «примером реставрации национальных исторических мифов, «суверенно» игнорирующих память других и достигнутое ныне состояние исторического сознания», так как «здесь господствует память победителей, которая претендует на единственно верную трактовку истории и не допускает расхождений с ней. В центре этой трактовки находится колоссальная самоотверженность народа в Великой Отечественной войне, разбившего Гитлера и вернувшего жизнь поработанной им Европе. Огромное историческое значение этой исполненной в 1945 г. освободительной миссии составляет основу позитивного, проникнутого величавой героикой самовосприятия нации, которое препятствует тому, чтобы к этому образу примешивались иные, противореча-

щие ему черты – например, память о жертвах сталинских репрессий» [4 с. 288].

Что касается исторической политики, то это набор практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [14 с. 10]. Появившись в Германии в 1980-х гг., термин в начале XXI в. стал широко использоваться в Польше, а затем и в других посткоммунистических государствах Восточной Европы. Сегодня в распоряжении историков – ряд серьезных исследовательских проектов, посвященных как теоретическому осмыслению феномена исторической политики, так и анализу ее практик. Особое место в этом ряду занимает сборник статей «Историческая политика в XXI веке» [15] под редакцией А.И. Миллера и М.А. Липман.

Активизация практик исторической политики в нашей стране произошла несколько позднее, чем в странах Восточной Европы. Но сегодня российские исследователи отмечают «наступление власти на «всех фронтах» «исторической политики» [16]. В России «мы имеем дело с государственной директивной исторической политикой, которая ориентирована на внутреннюю консолидацию и на «представление России в качестве великой державы»; ей противостоят независимая и подвергающаяся все большему давлению общественная организация «Мемориал», которая занимается проблемными воспоминаниями, изучая сталинский террор» [4 с. 300-301]. Так видит российские контексты исторической политики А. Ассман.

Относительно новым направлением исследований, призванным «адаптировать исторические знания под нужды массовой культуры» [12], новой областью знания, посвященной проблематике бытования истории в публичной сфере, как с практической, так и теоретической точек зрения, является публичная история. Этим понятием описывается большая совокупность практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, в том числе медийных, и на пред-

ставление его в формах, предназначенных для широкой публики (музеи, искусство, коммеморации и т. д.). «Потребление истории. Историки и наследие в современной популярной культуре» - так стилистически верно называется книга британского историка Дж. де Гру о публичной истории [28].

Суть публичной истории, по словам одного из самых известных ее адептов в России А. Л. Зорина, «в заполнении нарастающего разрыва между колоссальным и непрерывно увеличивающимся массовым интересом к истории и работой цеховых академических историков, сознательно уходящих и не желающих обслуживать этот массовый спрос, в результате которого история остается в значительной степени достоянием шарлатанов и демагогов» [19]. Профессионализация такой деятельности началась в середине 1970-х гг. в США и Канаде. «The Public Historian» - так называется издающийся с 1978 г. в США научный журнал. В стране функционирует Национальный совет по публичной истории. В последние годы магистерские диссертационные программы по публичной истории открылись в таких европейских странах, как Великобритания, Германия, Польша, Литва и Нидерланды [12]. Публичная история как способ существования истории в нашей повседневной жизни, как часть публичного пространства может заявлять о себе через «историописущих» в масс-медиа, исторические романы, исторические фильмы, исторические игры, костюмированные действия. Как «блестящий проект» [17] публичной истории в России исследователи характеризуют цикл состоявшихся в свое время передач Л.Г. Парфенова на телевидении, созданных благодаря сотрудничеству автора с одним из лучших отечественных историков А.Б. Каменским. В пространство практик, охватываемых понятием «публичная история», исследователи включают также деятельность авторов индивидуальных блогов – медийных фигур, задающих тон в исторических дискуссиях на форумах Рунета, таких, например, как писатель Б. Акунин [24]. Что касается подготовки специалистов по публичной истории в России, то она только начинается. Первая магистерская программа по публич-

ной истории появилась в 2012 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН). Задача российско-британской программы «Public History. Историческое знание в современном обществе» - подготовить специалистов, владеющих инструментом исторического исследования и способных адаптировать историческое знание для широкой ответственности. Слушатели, успешно окончившие магистратуру, получают степень MA (Master of Arts) Манчестерского университета, признаваемую также в России, и российский диплом о профессиональной переподготовке по программе «Историческое знание в современном обществе». Научный руководитель программы – профессор Оксфордского университета, РГГУ и МВШСЭН А.Л. Зорин [18].

Что же происходит с историей в результате привнесения в ее контексты публичного измерения прошлого? Она «непрерывно формируется, политизируется, коммерциализируется и медиализируется» [1]. По крайней мере, таково мнение наших немецких коллег. Не способ «переупаковать» привычную «популяризацию» исторического знания, а смену оптики «с проблем «донесения» «готового» исторического знания на «приготовление» нового знания в публичном пространстве / для публичного пространства» [25] видит, в свою очередь, в вызовах публичной истории российский исследователь А.А. Тесля.

О месте и роли профессиональных историков в «публичной истории» размышляет в своей недавней статье на страницах журнала «Новая и новейшая история» известный российский специалист по теории, истории и методологии исторической науки и социологии знания И.М. Савельева. Приводя бытующие в историографическом пространстве определения «публичной истории» как «средства представления исторического знания широкой публике», «истории, находящей практическое применение», возникшей «из поиска возможностей «альтернативной карьеры» за границами (традиционного) понимания и практики «мастерства историка», она подчеркивает, что «речь не идет об исторической политике, о политическом аспекте использования

истории», что в национальных историографиях США, Великобритании, Германии «это именно «народная история», а не «политически релевантная история». Отвечая далее на поставленный ею же вопрос о «публичных историках», И.М. Савельева не скрывает, что ей ближе «узкий» подход, который относит к данной категории «ту группу историков, которая вступает во взаимодействие с обществом, причем имеется в виду даже не диалог историка с публикой, а совместное производство исторического знания» [23 с. 141-156].

Четвертое актуальное понятие в предложенном списке – цифровая история. Это направление знания, в рамках которого рассматриваются «теоретические и методические вопросы перевода памятников историко-культурного наследия в цифровой формат и публикации результатов оцифровки в Интернете. По сути, цифровая история как уже вполне сложившееся в американской исследовательской практике историографическое направление отвечает за разработку теории и методики электронных публикаций и создания онлайн-ресурсов» [8 с. 140]. Л.И. Бородкину, одному из основоположников отечественной школы клиометрики и исторической информатики, цифровая история представляется ответвлением от более широкой области *History and Computing*, прикладной частью исторической информатики, тяготеющей не столько к исторической науке, сколько к современным прикладным ИКТ [7 с. 17, 20].

В последнее время появился ряд интересных публикаций в мировой и отечественной историографии по проблемам дигитализации исторического знания. Так, в 2012 г. британский издательский дом «Routledge» опубликовал сборник «История в цифровую эпоху», авторы которого во главе с редактором издания – Т. Веллер, известной исследовательницей в области «информационной истории», попытались дать концептуальное представление о том, как поле истории изменяется в цифровую эпоху [29]. На вопрос о том, в какой мере новые цифровые технологии открывают дополнительные возможности для реализации гражданской позиции историка и для демократизации самого процесса историописа-

ния, пытаются ответить авторы опубликованного в 2013 г. издательством Мичиганского университета сборника «Историописание в цифровую эпоху» [27]. О практиках историописания в условиях дигитализации исторического знания размышляют авторы сборника «Информационное пространство истории» [6], изданного ИВИ РАН в 2014 г. по материалам международной научной конференции с одноименным названием.

Упомянутые понятия отражают нынешний этап развития исторического знания, которое переживает «поворот», связанный с появлением новых путей выхода в публичную сферу, когда оно перестает быть сугубо академическим знанием «для посвященных» и выходит на улицы и площади больших городов, другие публичные площадки и «места сборки общественного тела».

Объединяющей основой исторической памяти, исторической политики и публичной истории являются коммеморации, т.е. праздники, посвященные историческим событиям, юбилеи, дни памяти и т.п. Коммеморации являются одним из источников формирования исторической памяти; они способствуют переводу исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, т.е. являются актами публичной истории; коммеморации используются в наборе практик исторической политики для более эффективного продвижения государством поддерживаемой им версии тех или иных событий прошлого. Что касается цифровой истории, то это исследовательское направление, вырабатывающее принципы междисциплинарного сотрудничества по вопросам теории и методики оцифровки исторических источников и памятников историко-культурного наследия, является инструментом коммеморативных практик, так как его методики репрезентации памятников историко-культурного наследия широко используются организаторами публичных репрезентаций.

Насколько важно для современного российского историка осознавать неслучайность проанализированного понятийного ряда, его внутреннюю взаимосвязь и взаимообусловленность? Мы являемся свидетелями того, как наше общество все более и

более охватывает «эпидемия исторической невменяемости», связанная «с одержимостью так называемым «прошлым», которое используется как неисчерпаемый ресурс для самооправдания во всякого рода делах, мелких и больших» [10]. Об этом откровенно утилитарном отношении к истории хорошо сказано в резолюции «Об исторической политике, социальной памяти и задачах Вольного исторического общества» от 28 июня 2015 г. «Прошлое нации становится главным содержанием идеологии в условиях, когда критические оценки настоящего затруднены, а проекты будущего развития практически отсутствуют. В публичном пространстве история перерождается в политически ангажированную мифологию. Историческая наука отодвигается на задний план, что грозит оставить низкопробное мифотворчество вне критики и конкуренции» [9], – отмечают участники Первой конференции созданного чуть более года назад профессионального сообщества российских историков.

Использование истории во властном дискурсе в нынешние «времена нестабильности» порождает весьма серьезные опасения в том, что общество вновь скатывается к временам бытования исторического знания как некоего мифологического комплекса. Пещерный уровень «овладения историей» внушает серьезные опасения по поводу душевного здоровья нации в целом, равно как «переоткрытие» сакральных мест с конкретной географической привязкой, «духоподъемные» речи политических лидеров с отчетливо выраженным односторонним бэкграундом.

Мы рискуем оказаться в непомерно длинной тени собственного прошлого, являющейся, по А. Ассман, «универсальной метафорой плена, который не кончается и из которого нельзя вырваться» [4 с. 305]. Сознвая происходящие с историческим знанием метаморфозы, профессиональные историки могут оказать весьма существенное влияние на контенты и исторической политики, и публичной истории, ненавязчиво присутствуя в процессах конструирования исторической памяти социума, активно используя при этом возможности цифровой эры. Зачем это нужно самим историкам? Чтобы явить миру полезность сво-

его ремесла. Для начала. Чтобы профессионально участвовать в сохранении исторической памяти социума, членами которого они являются. По большому счету. Соглашусь с мнением коллеги в том, что если наши внутрицеховые споры, мнения, оценки «в конечном счете не отливаются в какие-то исторические схемы, формулы и ритуалы, которые могут «пойти в народ», то эти схемы, формулы и ритуалы будет производить кто-то другой. И другого качества»[26]. В общем, призыв «нам нужна своя Ассман» [11] не кажется мне эмоциональным пережестом.

Литература

1. Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. 2012: Прикладная история, или Публичное измерение прошлого. Электронный ресурс // Неприкосновенный запас. 3(83). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (дата обращения: 19.09.2015).
2. Алейда Ассман. «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» / Стенограмма московской презентации книги. Электронный ресурс. URL: <http://urokiistorii.ru/node/52273> (дата обращения: 19.09.2015).
3. Алейда Ассман: Россияне пытаются стереть из памяти очень многое. Электронный ресурс. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-10-24/Alejda-Assman-Rossiyaneritayutsya-steret> (дата обращения: 19.09.2015).
4. Ассман А. 2014: Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика: пер. с нем. М.
5. Ассман Я. 2004: Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: пер. с нем. М.
6. Бобкова М.С. (отв. ред.). 2014: Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М.
7. Бородкин Л.И. 2012: Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. 1, 14–21.
8. Володин А.Ю. 2014: Цифровая история (Digital History): виртуальная реальность или исследовательская практика // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной

- конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 13-14 июня 2013 г. / Г.Г. Ершова (отв. ред.). М., 140-147.
9. Вольное историческое общество: итоги конференции. Электронный ресурс. URL:http://polit.ru/article/2015/07/10/vio_280614 (дата обращения: 19.09.2015).
 10. Всеобщее помешательство на «истории»: Историк Кирилл Кобрин о том, когда, как и почему задушевный бред заменил российскому обществу исторические знания и факты. Электронный ресурс. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/01/594513-vseobschee-pomeshatelstvo-na-istorii> (дата обращения: 19.09.2015).
 11. *Завадский А.И.* 2015: Нам нужна своя Ассман // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. 3, 501-508.
 12. Косенко А. Почему история больше не в руках учёных и политиков: Всё, что нужно знать о новом направлении – публичной истории. Электронный ресурс. URL: <http://www.igorod.pro/society/pochemu-istoriya-bolshe-ne-v-rukah-uchyoniyh-i-politikov> (дата обращения: 19.09.2015).
 13. *Леонтьева О.Б.* 2015: «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л.П. Репина. 50. М., 59-96.
 14. *Миллер А.И.* 2009: Россия: Власть и история // Pro et Contra. 3-4. Историческая политика, 6-23.
 15. *Миллер А.И., Липман М.А.* (науч. ред.). 2012: Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.
 16. *Морозов К.* 2014: Введение «единомыслящих учебников» – почему историкам нельзя молчать? История и/или историческая политика. Электронный ресурс. URL: <http://gefter.ru/archive/13361> (дата обращения: 19.09.2015).
 17. «Мы всегда находимся в зоне интерпретации исторического факта»: Андрей Зорин о публичной истории. Электронный ресурс. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7566-zorin> (дата обращения: 19.09.2015).
 18. Public History. Историческое знание в современном мире: Описание программы. Электронный ресурс. URL:

- <http://www.msses.ru/about/faculties/129/> (дата обращения: 19.09.2015).
19. Public history как дисциплина: Историк Андрей Зорин о фальсификации исторических фактов, способах понимания и пространстве публичной истории. Электронный ресурс. URL: <http://postnauka.ru/video/18165> (дата обращения: 19.09.2015).
 20. *Репина Л.П.* 2004: Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. №5, 39-51.
 21. *Репина Л.П.* 2011: Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.
 22. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* 2014: Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2, 106-126.
 23. *Савельева И.М.* 2014: Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 3, 141-156.
 24. *Секиринский Д.С., Липкин М.А.* 2015: История и киберпространство: расцвет цифровой культуры или «конец истории»? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 5 (38). Электронный ресурс. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001179-5-1> (дата обращения: 19.09.2015).
 25. *Тесля А.* 2014: Эффективные продажи и способы говорения. Публичная история: отыгрывание историком своей роли — или уверенное вхождение в историю во всех смыслах? [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/11341> (дата обращения: 19.09.2015).
 26. *Ушакин С., Костерина И.* 2015: «Мы у прошлого не учимся, мы им живем». Разговоры об истории, созданной новым переживанием повседневности. Профессионалы – об историческом сознании. Электронный ресурс. URL: <http://gefter.ru/archive/15988>(дата обращения: 19.09.2015).
 27. *Dougherty J., Nawrotzki K.* (eds.). 2013: Writing History in The Digital Age. Ann Arbor.
 28. *Groot J. de.* 2009: Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. Routledge.
 29. *Weller T.* (ed.). 2012: History in the Digital Age. Routledge.